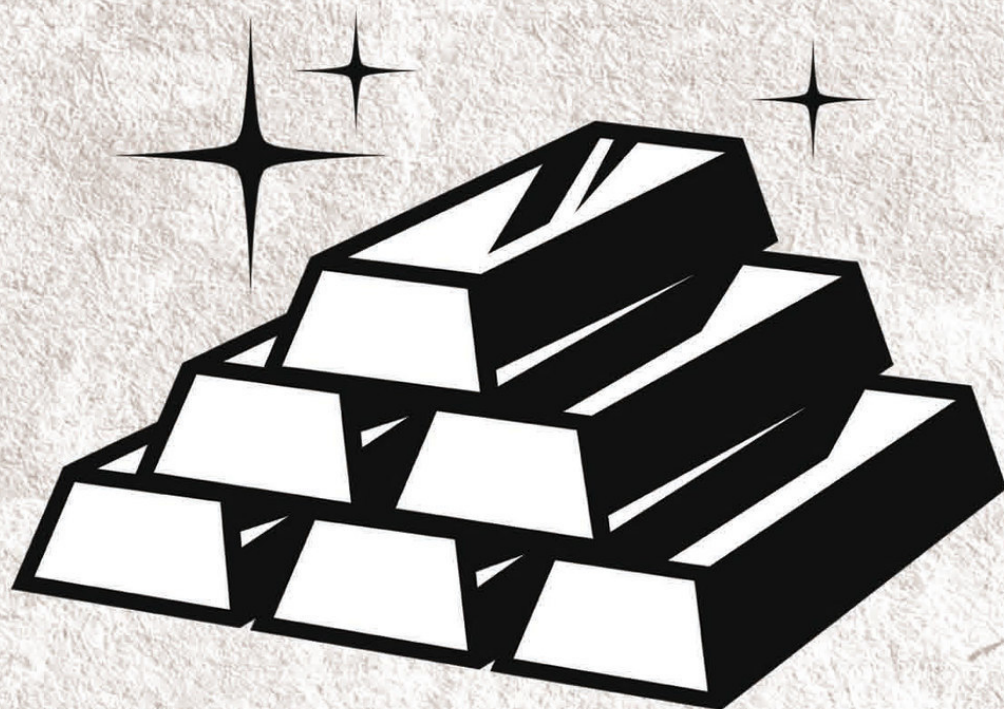


УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

НАТАЛЬЯ НАКОЛЬСКАЯ ВАЛАНДРА

ГЕРЦОГ БОРДЖИЯ Н-СКОЙ ГУБЕРНИИ



САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Валандра

Наталья Никольская

Герцог Борджиа н-ской губернии

«Научная книга»

Никольская Н.

Герцог Борджиа н-ской губернии / Н. Никольская — «Научная книга», — (Валандра)

Кому было выгодно отравить медсестру частной клиники, да еще во время любовного свидания? Если бы глава службы безопасности фирмы «Кайзер» Валентина Вершинина знала ответ заранее, она бы сто раз подумала, прежде, чем включаться в расследование.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Никольская

Герцог Борджиа Н-ской Губернии

ГЛАВА 1

В просторной, уютно обставленной комнате царил полумрак, создающий интимную обстановку. Льющаяся из магнитофона негромкая музыка придавала атмосфере особую прелесть. Проникновенная песня в исполнении Селин Дион навевала романтические фантазии.

На большом, обитом пестрым велюром диване сидели молодая девушка и парень. Точнее, девушка, которую звали Светой, полулежала, опрокинув голову на высокую спинку, закинув ногу на ногу и нетерпеливо похлопывая кулачком по коленке. Она не скрывала, что не испытывает ни малейшего желания взирать на сидящего рядом с ней молодого человека. Задрав голову к потолку, она разглядывала лепные узоры. Парень же, напротив, не сводил со Светы вождедеющих глаз.

– Ну сколько мне еще здесь сидеть? – капризно надула красивые губки девушка. – Я хочу домой, мне встать рано.

– Светуль, ну посиди еще немного. Знаешь, я по тебе очень скучал.

Света смерила его пренебрежительным взглядом.

– Да? – процедила она сквозь зубы. – Я просто счастлива.

– А ты обо мне, конечно и не вспоминала, – жалобно произнес парень, казалось, не обращая внимания на ее презрительный тон.

– Ну что ты? Только об тебе и думала. Мне же делать больше нечего, – ухмыльнулась девушка.

В душе парня все заклокотало от гнева, но он сдержал себя и постарался ничем не выдать своих чувств. Он продолжал разглядывать ее великолепный профиль с прямым, чуть удлиненным, но изящным носом, четко очерченной линией подбородка и полными, словно нарисованными кистью гениального художника губами. Как красив был этот рот! Он так и манил прикинуть к нему долгим сладостным поцелуем. Но когда ее губы начинала кривить презрительная ухмылочка, так как это было теперь, ее лицо тот час же утрачивало свою утонченную привлекательность. И взору представала обычная девка плебейских кровей. Так, по крайней мере, мнилось глядющему на нее парню, которого раздирали противоречивые желания: ему одновременно хотелось и ударить ее, и сжать в страстных объятиях.

Свету явно не привлекала перспектива выслушивать горячие излияния своего воздыхателя. По ее поведению было видно, что ей не впервой было общение такого рода, и в восторг оно ее вовсе не приводило.

– Я сейчас пойду домой.

– Ну куда ты так спешишь! – вскинулся парень. – Никуда твой дом не денется. Время-то детское, начало одиннадцатого.

После небольшой паузы, во время которой девушка хранила молчание, продолжая смотреть куда угодно, но только не на него, он произнес:

– Свет, хочешь вина, чтобы время скоротать?

– Я не пью перед дежурством.

– Ну хоть капельку. Здесь есть такое вино чудесное, ты наверняка никогда не пробовала ничего похожего.

– Ну где уж мне, Фроське деревенской, – снова надула губы задетая за живое Света.

– Да я не о том, ты меня не поняла. Просто это вино – особенное, такого в Тарасове еще и не было.

Света была несколько заинтригована. Она даже оторвалась от созерцания лепнины и, подняв свои густые с изломом брови, взглянула на молодого человека.

– Ну что же это за вино такое?

– Вот оно.

Парень вскочил с дивана и кинулся к бару в дальнем углу комнаты. Открыв зеркальную дверцу, он вынул из него необычной формы бутылку с жидкостью темно-вишневого цвета. Девушка внимательно наблюдала за его манипуляциями. Казалось, эта бутылка только что доставлена из погреба какого-нибудь средневекового французского барона, Свете даже почудились на ней следы паутины и пыли. Однако когда молодой человек поднес бутылку к столику рядом с диваном, она пригляделась повнимательнее и поняла, что это был всего лишь обман зрения. Тем не менее, любопытство ее было вполне раззадорено. Свете не терпелось пригубить этого таинственного напитка. Парень достал из горки бокал, поставил его на столик, откупорил бутылку и налил немного вина в бокал.

За венецианским стеклом жидкость приобрела кроваво-красный оттенок, на поверхности образовалось несколько маленьких пузырьков.

Света взяла бокал.

– Красиво смотрится, – заметила она, глядя сквозь стекло на свет бра.

– А на вкус еще лучше, – ответил он.

– А ты почему не пьешь?

– Я потом.

Света пожала плечами. Вообще-то, ей не было никакого дела до того, будет ли он пить вино или нет. Но ее раздражало то, что он не сводит с нее глаз.

– Ну что ты все тарачишься! – не вытерпела она. – Сходил бы хоть за фруктами, что ли!

Парень тут же вскочил и торопливо направился в кухню. Он открыл холодильник и начал доставать оттуда лежавшие на нижней полке фрукты. Руки его тряслись мелкой дрожью, когда он укладывал яблоки, апельсины и бананы в небольшую хрустальную вазу, сделанную в виде корзиночки с плетеной ручкой.

«Какая же она все-таки красивая! – думал он. – Я так люблю ее! Ну и пусть все говорят, что она дура. Для меня она самая лучшая. Скоро все кончится. Скоро она перестанет терзать меня, издеваться надо мной! Пора ей отплатить мне за все!»

Тем временем сидящая на диване в гостиной девушка размышляла о том, как надоело ей сидеть здесь и ждать. Она решила, что непременно уйдет через пятнадцать минут, если за это время... Тут ее взгляд упал на стоящий на столике бокал с вишневого цвета жидкостью.

«Интересно, что же это за особенное вино? – подумала она и протянула руку к бокалу. – Цвет просто бесподобный, и пахнет так приятно».

Света поднесла напиток к губам и сделала небольшой осторожный глоток. «Действительно, классное вино», – оценила Света, чуть слышно причмокивая. Очень приятный, немного терпкий вкус выдержанного полусладкого вина. В букете присутствовал едва уловимый необычайный привкус. «Такого вина я и вправду никогда не пробовала», – подумала она и сделала второй глоток.

В следующую секунду девушка явственно ощутила, что у нее начала кружиться голова. Она недоуменно оглянулась. Стены и предметы вокруг стали вертеться все сильнее и сильнее. Света выпрямилась на диване и поставила бокал на самый край журнального столика, только чудом он не упал на пол. Силы оставляли ее с невообразимой быстротой.

«Что со мной?!» – в паническом ужасе хотела было воскликнуть Света, но из уст ее вырвался лишь едва слышный шепот. Ее голова неудержимо клонилась книзу. Вдруг девушку озарила страшная догадка, но сознание покинуло ее до того, как эта мысль успела облечься в слова.

Молодой человек вошел в гостиную, держа в руках вазу с живописно уложенными в нее фруктами. Увидев, что Света лежит на диване, он замер на пороге, воззрившись на нее с радостным изумлением. «Так скоро?» подумал он, медленно приближаясь к ней. На его лице было написано предвкушение небывалого блаженства.

* * *

Будильник зазвонил, как обычно, в 6.30 утра. Валентина Андреевна Вершинина – начальник службы безопасности фирмы «Кайзер» – открыла глаза, встала с кровати и посмотрела в окно. День обещал быть солнечным и погожим. Это приятно удивило Вершинину, поскольку все предыдущие дни было пасмурно и дождливо. Сентябрь в этом году выдался на редкость холодным и ветреным. Да и прошедшее лето оставило о себе не так много приятных впечатлений. Хотя, возможно, причиной тому был напряженный график работы. В теплое время года количество людей, желающих поменять деревянные двери на стальные и установить охранную сигнализацию с тем, чтобы как можно более обезопасить свои жилища от посягательств преступного элемента, становится гораздо больше, нежели зимой. Да и немудрено. Ведь лето – пора отпусков. Обыватели оставляют свои квартиры и уезжают на заслуженный отдых. А неприкосновенность их жилья гражданам должна обеспечивать фирма «Кайзер», а точнее, служба безопасности, возглавляемая Вершининой уже четвертый год.

Вершинина посмотрела на календарь, висящий на двери спальни.

«Скоро можно будет отмечать юбилей», – подумала она, накидывая халат и направляясь в ванную.

Вершинина могла назвать себя счастливым человеком, при условии, если счастье заключается в том, чтобы утром с удовольствием ходить на работу, а вечером с не меньшим удовольствием возвращаться домой. Она была вполне довольна и своей зарплатой, и подчиненными, которых ей удалось сплотить в прекрасно организованную и слаженно действующую команду. К тому же работа приносила Вершининой моральное удовлетворение, а это совсем немаловажный фактор.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда были взаимоотношения Валентины Андреевны с ее непосредственным начальником Мещеряковым. Нельзя сказать, что он сильно отравлял ее существование, но несколько неприятных минут периодически доставлял. Однако мудро рассудив, что идеальных начальников в природе не существует, Вершинина вполне терпимо относилась к «завихрениям» своего шефа, прекрасно понимая, что и она сама подчас бывает далека от совершенства, с чем наверняка не стали бы спорить ее подчиненные.

Выйдя из ванной, Вершинина направилась на кухню готовить завтрак себе и своему сыну, который все еще пребывал в сладких объятиях сна. Она подошла к крану и стала набирать воду в электрический чайник. В этот момент затрещал телефон.

«Кто бы это мог быть?» – спросила себя Вершинина, ощущая легкую досаду – она очень не любила, когда ее сбивали с обычного, раз и навсегда установленного графика.

– Слушаю.

– Валентина? – раздался на другом конце провода голос Мещерякова.

«Вот тебе раз, стоит вспомнить лешего, а он тут, как тут».

– Да это я. Доброе утро, Миша.

– Привет, – сухо вато поздоровался он в ответ. – У нас серьезные проблемы, Валентина.

– Понимаю, иначе ты бы не позвонил ни свет, ни заря.

– У нас очень серьезные проблемы, – повторил он, – машину за тобой я уже послал, так что через двадцать минут жду тебя у себя.

– Хорошо, буду, – коротко ответила Вершинина и положила трубку.

«Что там еще могло произойти?». Она поспешила в спальню переодеваться. О завтраке теперь можно было забыть. По пути она заглянула в комнату Максима.

– Вставай и собирайся, – бросила она мимоходом не терпящим возражений тоном.

Ее голос, который приобрел металлические нотки, моментально заставил Максима воспрянуть ото сна, хотя обычно его пробуждение было долгим и мучительным процессом.

Вершинина надела приготовленный с вечера брючный костюм. В ее движениях не было лихорадочной поспешности, но она делала все очень быстро и четко. Многолетняя работа в милиции не могла не наложить своего отпечатка, еще больше развив организованность, присущую ей от природы.

Когда она выходила из квартиры, Максим уже вышел из ванной и начал одеваться.

– Поторапливайся, чтобы через сорок минут уже был в школе. Мюсли в шкафу, молоко в холодильнике.

– Угу, – промычал Максим, выглядывая в прихожую.

– Пока!

Вершинина стремительно вышла из квартиры и захлопнула дверь.

Кайзеровская «Волга» уже стояла у подъезда. За рулем был Сергей Болдырев.

«Всех подняли», – констатировала про себя Валентина Андреевна, приближаясь к машине. Болдырев сегодня не работал в ночной смене, значит, и ему позвонили с утра пораньше. Он вышел и распахнул дверцу перед подошедшей начальницей.

– Доброе утро, Валентина Андреевна.

– Привет, Сережа. Что там стряслось, ты не знаешь? – поинтересовалась Вершинина, усаживаясь на переднее сиденье.

– Мне позвонил Коля Антонов, сказал, что в квартире на Пензенской обнаружен труп. Больше я ничего не знаю.

– Ясно.

«Волга» тронулась с места, выехала со двора и помчалась по пока еще не запруженной городским транспортом улице.

Вершинина нахмурилась и молча стала смотреть на дорогу. Солнце, все более уверенно проглядывавшее сквозь рваные облака, уже не радовало ее. День, по всей видимости, предстоял суматошный и не слишком приятный.

Спустя четверть часа Вершинина открыла дверь в кабинет Мещерякова. Он уже сидел за своим столом, словно бы и не уходил вчера с работы.

– У нас проблемы, – объявил он вошедшей.

– Это я уже слышала, – парировала она, садясь на стул.

– В квартире на Пензенской, 24 произошло убийство. Час с небольшим назад там был обнаружен труп девушки. Этот объект охраняется нашей фирмой уже четвертый месяц. Кто дежурил сегодня?

– Ганке и Николай Антонов, – ответила Вершинина.

– Как могло получиться, что в охраняемой нами квартире произошло такое преступление?

Вершинина почувствовала, как в ней закипает раздражение. Она помолчала несколько секунд, чтобы ненароком не ляпнуть лишнего. Шеф восседал за своим столом с грозным видом. Его маленькие глубоко запавшие глазки под кустистыми бровями словно насквозь просверливали собеседницу.

«Хочет поиграть в строгого начальника, видно, решил, что давненько не устраивал выволочек нашему отделу», – думала Вершинина, поджав губы.

– Преступления, Михаил Анатольевич, совершаются сплошь и рядом, – наконец произнесла она, – и мы не можем нести ответственности за каждое из них. Наше дело следить за

тем, чтобы не было незаконного проникновения на объекты. В том же случае, если тревожных сигналов не поступает, мы не в состоянии предотвращать действия злоумышленников.

– Все это я и сам отлично знаю, – ответил Мещеряков, – ты понимаешь, Валентина, что страдает престиж нашей фирмы?

– Если вам, Михаил Анатольевич, так дорог престиж фирмы, наймите отдельного охранника на каждый охраняемый нами объект. Пусть у дверей каждой квартиры сидит вооруженный человек и проверяет пропуска и всех входящих. В этом случае еще можно будет предъявлять службе безопасности подобные претензии.

Вершинину понесло. Она вся так и кипела справедливым негодованием. Единственное, с чем она никогда не могла смириться, так это с самодурством начальников. Они с Мещеряковым знали друг друга уже не первый десяток лет. Их считали не столько шефом и подчиненной, сколько близкими приятелями. Мещеряков даже пытался подвизаться на ниве сватовства, активно пытаясь вмешиваться в личную жизнь Вершининой. На все это она смотрела сквозь пальцы, понимая, что у каждого человека должны быть какие-то слабости. Но сегодня он, по ее мнению, хватил через край. Обычно они общались, как близкие друзья, называя друг друга просто по именам и обращаясь на «ты». Сегодня же Вершинина упорно называла шефа по имени отчеству. Это подействовало.

Мещеряков слегка поерзал в своем необъятном кресле, откашлялся и произнес в примирительной манере:

– И все-таки, Валя, это нехорошо, согласись.

– Конечно нехорошо, чего ж хорошего в убийстве? – не сдавалась Вершинина. – Но если возлагать ответственность на нас, то...

– Ну все, все, погорячился я, – прервал ее Мещеряков.

Но Вершинина была не из тех, кто легко идет на компромисс, когда задето самолюбие.

– Тем более, что практически каждое преступление, совершенное на охраняемых нами объектах, мы расследуем. И расследуем, смею сказать, вполне успешно. По-моему, на этот счет к нам не пока еще не поступало никаких претензий, не так ли?

– Все верно, Валюша. Давай-ка кофейку попьем, ты поди и поешь-то не успела?

– Не сыпь мне соль на рану, Миша, – усмехнулась несколько смягчившаяся Вершинина.

Мещеряков тяжело поднялся с кресла, взял две чашки и налил в них кофе из большого термоса. В последнее время он постоянно привозил на работу кофе в термосе. Ему казалось, что таким образом он экономит рабочее время, как свое, так и своей секретарши Люды, которая и без приготовления кофе была загружена больше, чем достаточно.

– Закурим, Валь, – предложил Мещеряков.

– Натощак не курю, – ответила Вершинина.

– Правильно делаешь, а я закурю, если не возражаешь.

Вершинина пожала плечами:

– Как знаешь, дело твое.

Мещеряков подошел к окну, открыл пошире форточку, вынул из пачки сигарету и закурил.

* * *

Тем временем подчиненные Валандры, так они называли Вершинину, в полном составе собрались в дежурке.

Это было довольно просторное, многофункциональное помещение, служившее и столовой, и спальней, и комнатой для совещаний. Кроме того, в этой комнате располагался пульт, куда поступали звонки с объектов, поставленных на сигнализацию.

Болдырев и Антонов-старший сидели на диване, Толкушкин с Маркеловым взгромоздились на подоконник, Ганке восседал в выдавшем виды дерматиновом кресле, Антонов-младший устроился на стуле, за большим круглым столом, а Мамедов колдовал на «кухне» – так они называли дальний угол комнаты, где стоял столик с посудой и холодильник «СТИНОЛ».

Убранство помещения дополняли платяной шкаф, где лежали подушки и пледы и куда в холодное время года складывалась верхняя одежда, а также книжный шкаф, полки которого были заставлены не столько книгами, сколько папками с документацией.

– Что-то наш шеф сегодня совсем не в себе, – выразил общее мнение Шурик Антонов, который перекидывался в карты с сидящим рядом с ним Сергеем.

– Еще бы, второй криминальный случай за неделю, и все на наших объектах. Поэтому то он рвет и мечет, – высказался с подоконника Толкушкин.

– Ты бы на его месте еще не так рвал и метал бы, – заметил Алискер, обернувшись к Валере, – страдает престиж нашей фирмы.

– Но мы же не виноваты, что не живетя некоторым спокойно! – воскликнул Шурик, тасуя колоду – он в очередной раз остался в дураках.

– Как бы то ни было, а престижу фирмы это наносит ущерб, – рассудительно произнес Алискер, не подозревая, что почти слово в слово воспроизводит речи Мещерякова.

– Ох, задаст нам сегодня Валандра перцу! – вздохнул Толкушкин.

– Ничего, – авторитетно отвечивал Ганке – самый старший по возрасту и потому обладавший наиболее богатым жизненным опытом, – оно иногда бывает не без пользы, когда перцу задают. Держит, так сказать, в тонусе.

– Видал я этот твой тонус, знаешь где? – хмыкнул не отличавшийся особой рассудительностью Шурик или, как его называли чаще, Антонов-старший.

В команде Валандры работали братья близнецы, Шурик и Коля Антоновы. Шурик был старше Коли всего на полчаса, но он никогда не устал подчеркивать сей архиважный факт из их биографии. Если внешнеюстью они почти не различались, то характеры и темпераменты у них были диаметрально противоположные. Шурик являл собой образчик настоящего холерика – энергичный, причем иногда сверх меры, словоохотливый, он постоянно стремился быть в центре событий, не упуская случая выразить собственную точку зрения по любому вопросу. Коля же был рассудительным, спокойным, несколько флегматичным человеком, который разговору всегда предпочитал дело. Вместе они как нельзя лучше дополняли друг друга и были незаменимыми членами команды.

Вообще-то, каждый из подчиненных Вершининой обладал многими качествами, необходимыми в их работе. Долговязый кудрявый Вадик Маркелов не имел себе равных по части электроники. Сергей Болдырев был отличным водителем и мог без труда исправить чуть ли не любую неисправность во всяком средстве передвижения, будь то полугнилой «Запорожец» или иномарка последней модели.

У Валентина Валентиновича Ганке был совершенно особый талант – он мог справиться с замком какой бы то ни было сложности и модификации. Именно благодаря пристрастию к взламыванию замков Ганке пришлось провести четыре года в местах, не столь отдаленных. После отбывания срока он твердо решил взяться за ум и пошел работать в «Кайзер» по приглашению самой Вершининой, и теперь его способности служили не во вред обществу, а наоборот, ему во благо. Он отличался благообразной, внушающей доверие наружностью благополучного делового человека. Безупречный внешний вид и степенные манеры создавали ему имидж самого что ни на есть благонадежного гражданина.

– Ну что, тунеядцы, может, хватит расслаживаться? – произнес Алискер Мамедов, отходя от «кухонного стола». У него в руках была кофеварка со свежесваренным ароматным напитком, – Николай, доставай еду из холодильника. Надо перекусить, пока время есть, а то потом начнется беготня, дух не переведем.

Сей тревожный прогноз возымел на всех присутствующих нужное воздействие. Толкушкин даже соскочил с подоконника.

- Может, в магазин сбегать, а, ребят? – спросил он.
- Можно, пожалуй, – согласился Мамедов, – но только быстро.
- Я мигом, – произнес Валера и исчез за дверью.
- Рулета купи фруктового! – крикнул Мамедов ему вдогонку.
- Ты, Алискер, никак в сластены заделался? – поинтересовался Шурик.
- Да я не себе, а Валандре – она тоже наверняка не успела позавтракать.
- Эх, какой заботливый у нашей Валандры референт! – хмыкнул Антонов-старший. –

Даром, что любимчик.

– По-моему, кое-кто слишком много болтает, – заметил Алискер, бросив на Антонова-старшего хмурый взгляд, – лучше делом займись, потом сам же будешь ныть, что поесть некогда. На вот, нарежь батон.

Шурик нехотя поплелся к столу и взял в одну руку нож, а в другую батон.

– Портит людей власть, – вполголоса резюмировал он.

Мамедов не услышал или сделал вид, что не услышал сказанного Шуриком. Быть может, в словах Антонова-старшего и была доля истины. Алискер был правой рукой Вершининой и в ее отсутствие к нему переходили бразды правления в ее команде. Одаренный острым пытливым умом, Мамедов превосходно справлялся со своими обязанностями. Помимо неутомимости и целеустремленности он обладал еще одним чрезвычайно полезным качеством – обаянием. Он легко сходился с людьми самого разного круга и образа мыслей, всегда умел добыть необходимую информацию. Его коммуникабельность была отличным подспорьем не только в ведении расследований, но и в работе с клиентами. Алискер, как никто другой, мог убедить потенциального заказчика в том, что именно продукция фирмы «Кайзер» представляет собой наиболее оптимальный вариант, если кто-либо вознамерился доверить охрану своего жилья или предприятия специализирующейся в этом организации.

Мамедова в шутку величали «грозой конкурентов». В этой шутке, как и в любой другой, была немалая доля истины.

Алискер обратился к Болдыреву, который продолжал машинально тасовать карты, хоть игра была уже окончена:

- Картежник, кофе пить будешь?
- Буду, а что?
- Тогда мажь маслом батон, который Шурка нарезает.
- Ладно, без проблем.

Сергей покорно поднялся с дивана и присоединился к Антонову.

– Валентиныч, кажись, мы с тобой одни без дела остались, – заметил Вадик Маркелов, который курил у окна, наблюдая за суетой вокруг стола.

- Значит, голодными останетесь, – проворчал Шурик.
- Нет, на это мы не согласны!

Маркелов затушил сигарету и приблизился к столу. Коля, которому надоело возиться с продуктами, обратился к Ганке, по-прежнему безмятежно сидящем на своем месте:

- Вы так и не узнали, кого убили на Пензенской?
- Какую-то молодую девушку.
- Еще не факт, что ее убили именно на Пензенской, – не преминул встрять Шурик, – то, что там обнаружен труп, еще ничего не означает.

– Что толку гадать? – резонно заметил Ганке, вот придет Валандра с совещания, все узнаем.

В это время прибежал Толкушкин с большим, наполненным всякой снедью пакетом.

– Ого! Валерка всюю разошелся! – с одобрением воскликнул Шурик.

– А как же! Алискер же сказал, что надо как следует подкрепиться, я и постарался. Толкушкин начал выгружать на стол свои покупки.

* * *

В такие моменты так и хочется послать всех к чертовой бабушке и найти себе работу поспокойнее. Но я знаю, что жизнь состоит из разных полос. Нужно немного потерпеть, и скоро все изменится. Я же сама учу своих ребят никогда не лезть в бутылку, потому что ничего хорошего из этого, как правило, не выходит.

Мещеряков, конечно, не подарок, но и его можно понять. Какая прекрасная возможность для конкурентов. Теперь можно говорить: «Кайзер»? А-а, это та самая фирма, у которой на объектах постоянно происходят криминальные вещи?...

У меня уже не первый месяц вызревала одна идея. Я собиралась поставить Мещерякова перед фактом, что одна небольшая команда не в состоянии нести такую нагрузку. В конце концов, охранять объекты могут и другие люди, профессионалов у нас не так и мало. А моему отделу лучше бы переключиться целиком на раскрытие преступлений. На нашем счету уже не один десяток распутанных дел, найденных грабителей и убийц. Причем, едва ли не половина из них приходится на преступления, не имевшие никакого отношения к «Кайзеру». Слава о некоей Валандре и ее команде растет и ширится. Разок даже из области приезжали. Так, глядишь, скоро на областной уровень выйдем. А там и до государственного недалеко... Может, через годик-другой начнем с Интерполом сотрудничать...

Ой, что-то я совсем уже разошлась. Видно, это разговор с шефом так на меня подействовал. Все-таки умеет он страху нагнать. Да еще и на голодный желудок пришлось с ним дискутировать. Так и язву недолго нажать. Или, правда, бросить все это к чертовой бабушке?

Но как только я открыла дверь дежурки, где за большим, обильно заставленным столом сидели мои ребята, всякое желание уйти на другую работу покинуло меня. Привыкла я к ним!

* * *

– Валентина Андреевна! – в один голос воскликнули все обитатели дежурной комнаты. Алискер вскочил из-за стола и пододвинул Вершининой самое удобное кресло.

– Завтракаете? – улыбнулась Валандра. – Молодцы.

– Садитесь с нами, – пригласил Алискер с истинно восточной гостеприимностью.

– Сяду, сяду. У меня есть минут двадцать в запасе.

Алискер поставил перед Валандрой ее любимый фруктовый рулет.

– Откуда? – удивилась Вершинина.

– Валерка купил, – объяснил Алискер, скромно умалчивая о своей роли.

Ганке уже наливал Валандре кофе, Шурик пододвинул к ней тарелку с бутербродами.

– Какие вы у меня все заботливые, – усмехнулась Вершинина. Она, действительно, была польщена таким вниманием.

Все знали, что Валандра считает процедуру приема пищи одной из самых важных и нужных. Она никогда не пыталась сделать вид, что равнодушна к еде и уважала мужчин, которые много, с аппетитом ели.

Выпив две большие чашки кофе и съев несколько бутербродов и добрый ломоть фруктового рулета, Вершинина встала из-за стола и, поблагодарив ребят, произнесла:

– Доедайте, а ты, Алискер, иди со мной. Можешь захватить с собой тарелку и чашку.

Мамедов встал и последовал за начальницей.

ГЛАВА 2

– Ты же, конечно, в курсе, из-за чего нас всех собрали в таком срочном порядке? – начала Валандра, усевшись за свой стол и прикурив сигарету от своей неизменной зажигалки в виде дракончика с распахнутой пастью.

– Убийство на Пензенской, – полуутвердительно-полувопросительно произнес Алискер, отхлебывая из чашки.

– Сегодня ранним утром, приблизительно в половине шестого утра в квартире, которая нами охраняется, обнаружен труп девушки. Ее личность установлена. Это Светлана Сергеева, медсестра, работающая в частной клинике. Предположительно, смерть наступила в десять-одиннадцать часов прошлого вечера. Скорее всего, девушка была отравлена. На данный момент это пока вся информация. Установлено, что в квартире проживает некий Владимир Зубов, аспирант, выпускник химико-технологического факультета политехнического института. Он и является основным подозреваемым.

– А кто обнаружил тело? – спросил Алискер.

– Мещеряков сказал, что милицию вызвал дед Владимира. Он приехал к внуку, того дома не оказалось, зато в гостиной лежала мертвая девушка. Шеф попросил одного из наших сотрудников привезти сюда деда Зубова, сейчас с него снимает показания следователь. С минуты на минуту он должен быть здесь. А что говорят Ганке с Антоновым?

– В журнале записано, что в 22.03 из квартиры по адресу: Пензенская, 24–35 был сигнал. В 22.04 оттуда отзвонились и назвали пароль, после чего их сняли с охраны.

– Короче, ничего необычного не было?

– Нет, Валентина Андреевна, ничего. Ребята говорят, что сегодняшнее дежурство прошло на редкость спокойно. Середина недели, да и погода не располагает к вылазкам. Ведь часов до трех ночи дождь моросил. А по статистике наибольшее количество преступлений происходит в выходные и праздничные дни, причем, в хорошую погоду. Дождь, ветер и другие капризы природы подавляют психику.

Валандра с интересом наблюдала за своим секретарем.

– Уж не собрался ли ты часом диссертацию писать на тему о том, как погода и дни недели влияют на количество совершаемых преступлений?

– Иронизируете, Валентина Андреевна, – заулыбался Алискер.

– Ну что ты, я на полном серьезе говорю.

Их разговор был прерван телефонным звонком.

– Слушаю, – произнесла Валандра, – хорошо, Михал Анатолич, иду. Зубова привезли, – обратилась она к Алискеру, пойдем к шефу.

* * *

– Знакомьтесь, – обратился Мещеряков к вошедшим, – Василий Васильевич Зубов. А это – Валентина Андреевна Вершинина – начальник службы безопасности нашей фирмы и Алискер Мамедов, ее секретарь-референт.

Перед взором Валандры предстал пожилой представительный мужчина лет около шестидесяти, в старомодных роговых очках, костюме с галстуком. Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять – Василий Васильевич интеллигент, как говорится, старой закваски. Сразу бросалось в глаза, что Зубову недавно пришлось пережить немало неприятных минут. Он был бледен, его глаза беспокойно перебегали с одного лица на другое, как бывает с человеком, который, находясь в критической ситуации, ищет поддержки у окружающих.

– Может быть, пройдем в мой кабинет, – предложила Вершинина, – вы не возражаете, Михаил Анатольевич?

– Нисколько, я все равно должен ехать в министерство.

Вершинина, Алискер и Зубов спустились на один этаж ниже и вошли в кабинет Валандры.

– Присаживайтесь, пожалуйста, Василий Васильевич, – пригласила Вершинина.

Зубов сел в кресло для посетителей, Валандра заняла свое место за столом, а Алискер устроился в уголке на стуле и, вооружившись ручкой и листком бумаги, приготовился делать записи.

– Давайте начнем с самого начала, – произнесла Вершинина, – как я поняла, эта квартира на улице Пензенской принадлежит вашему внуку Володе?

– Да-да... точнее, не совсем. Эта квартира его родителей, моего сына Геннадия и его жены. Но их уже несколько месяцев нет в городе... то есть их и в стране нет.

Видя, то Василий Васильевич поминутно сбивается, Валандра мягко сказала:

– Вы очень взволнованы, постарайтесь, пожалуйста, успокоиться. Алискер, завари, пожалуйста, Василию Васильевичу нашего лечебного чая.

С некоторых пор у Валандры завелась традиция держать в своем кабинете сбор успокаивающих лекарственных трав – слишком часто ее посетители нуждались в подобном средстве. Алискер встал, налил воды в электрический чайник, насыпал в маленький чайничек ложечку какой-то измельченной травы. Заварив лечебный чай, он налил его в чашку и поставил перед Василием Васильевичем. Тот поблагодарил и взял чашку. Его рука заметно дрожала, отчего позвякивала чайная ложка.

Валандра взяла сигарету.

– Не возражаете? – обратилась она к Василию Васильевичу.

– Ну что вы!

Сделав несколько глотков, он отставил чашку.

– Так вы говорите, что вашего сына и его жены нет в городе. А где же они?

– Они уехали в Финляндию. Геннадий, мой сын, работает там по контракту, он инженер. Его жена Нина поехала вместе с ним.

– Когда они уехали?

– В конце января нынешнего года, – отвечал Василий Васильевич. Его речь была уже гораздо более связной. Лечебный напиток начал оказывать свое благотворное воздействие.

– А ваш внук, Володя, остался, как я понимаю, в Тарасове?

– Да-да. Вова учится в аспирантуре, пишет диссертацию.

– Все это время он жил в квартире один?

– Да, один, – Зубов помолчал, – насколько я знаю, Вова жил один.

– А вы далеко от него живете?

– Довольно далеко. Мы с женой после выхода на пенсию переехали в пригород. Экологически чистый район, знаете ли.

– Понимаю. И где же находится это райское местечко? – поинтересовалась Валандра.

– Поселок Сосенки, в восьми километрах от Тарасова.

– Слышала о таком. Действительно, прекрасное место.

– Только вот от города далеко. Мы так редко видим Вову. Он у нас очень занятой. Мы с женой живем, как два куркуля, никто нас не навещает. Вова у нас один-единственный внук. Он не звонил долго, и еще дольше не приезжал к нам. Вот я и надумал навестить его. Перед этим я приезжал к нему два раза, но не смог застать. Поэтому я и решил на этот раз приехать ранним утром. Вова – любитель поспать, мы с женой подумали, что в это время он обязательно будет дома. Клавдия, моя жена, тоже хотела поехать, но у нее обострился ревматизм от сырой

погоды, вот я поехал один. Господи, что было бы, если бы моя жена была со мной. У нее большое сердце...

Василий Васильевич умолк, его губы затряслись. Воспоминания о пережитом вновь нахлынули на него. Он снова взял чашку со спасительным снадобьем и сделал несколько глотков. Валандра молча ждала, когда он начнет говорить.

– Я приехал на самой ранней электричке и был у Вовы где-то в начале шестого. Поднялся к нему на этаж, подошел к двери и начал звонить. Я стоял довольно долго, точно не скажу, сколько. Решил, что Вовы опять нет дома и собрался было уходить, но заметил, что дверь не заперта.

– То есть?

– Мне показалось, что я увидел зазор между дверью и дверной коробкой, которого на моей памяти никогда раньше не было. Я толкнул дверь, и она отворилась. Я вошел в прихожую, окликнул Вову. Мне подумалось, что он, может быть, крепко спит и потому не слышал, как я звонил. Но в квартире стояла тишина. Мне стало как-то не по себе, появилась даже мысль уйти и позвать кого-нибудь. Наверное, интуиция...

Василий Васильевич помолчал немного, глубоко вздохнул и продолжал:

– Так вот. Я пошел по коридору, заглянул сначала в спальню Вовы, но она была пуста. Тогда я решил, что дома никого нет. Мне пришло в голову, что квартиру обворовали. Потом я вспомнил, что она стоит на пульте, это меня почему-то успокоило. Я продолжал идти по коридору и вошел в гостиную.

Василий Васильевич снова умолк и схватился за чашку, словно утопающий за спасательный круг. Валандра решила прийти ему на помощь.

– Вы вошли в гостиную и увидели лежавшую девушку?

– Да. Она лежала на диване. Сначала я подумал, что она спит. Я подошел ближе. Она лежала в какой-то неестественной позе, одна рука свисала до пола, голова как-то неловко запрокинута назад... Я подошел в плотную и тут меня обуял самый настоящий ужас. Я понял... понял, что она... не живая. Глаза ее были широко раскрыты, будто она смотрела в потолок. И знаете, они, эти глаза, были какими-то остекленевшими, будто их покрыли мутной пленкой. Я никогда не видел ничего подобного. Это было ужасно!

Подождав, не добавит ли он чего-нибудь к сказанному, Валандра спросила:

– И то вы сделали после этого?

– Я, видимо, громко вскрикнул, теперь уж не помню. Выскочил из квартиры и побежал к соседям. Рассказал им, что там лежит мертвая девушка, и они посоветовали мне вызвать милицию. Я очень смутно помню, что происходило дальше. Кажется, я так и сидел у соседей до приезда милиции. Потом началось самое абсурдное. Приехали милиционеры и начали допрашивать меня. Представляют, они подозревали, что я имею какое-то отношение к этому. Но потом эксперт определил, что смерть наступила несколько часов назад, меня спросили, где я был накануне, и когда выяснилось, что я был у себя в Сосенках и это могут подтвердить и моя жена, и двое друзей, с которыми мы допоздна играли в нарды, они перестали воспринимать меня в роли преступника. В конечном итоге мне, похоже, удалось убедить следователей, что я не причем. Но даже само это предположение иначе, как абсурдным, назвать нельзя.

А дальше началось и вовсе нечто невообразимое. Представьте себе, домой вернулся Вова, на него сразу накинулись милиционеры, даже не дали нам ни словечком перемолвиться. Вова, разумеется, заявил, что он ничего не знает, и его не было дома всю ночь. Он был шокирован не меньше меня. Я уверен, что для него все это было не меньшей неожиданностью, чем для меня. Но они, будто коршуны, напали на моего мальчика. Его обвинили в причастности. Следователь сказал, что все улики против Вовы. Но это же абсурд! Полнейший абсурд! Я, разумеется, дилетант во всем этом, но даже мне ясно, что, если бы человек хотел совершить такое преступление, он мог бы сделать это по-другому. Это же очевидно. Разве стал бы человек,

находящийся в здравом рассудке, убивать девушку в собственной квартире, да еще и оставлять ее незапертой. Вы не согласны со мной?

– Пожалуй, вы правы, Василий Васильевич, – ответила Валандра, закуривая уже третью сигарету. – А ваш внук был знаком с этой девушкой?

– Да, он сказал, что когда-то близко общался с ней, назвал ее имя и фамилию, но он уверял, что не видел ее уже несколько недель.

– Как зовут девушку?

– Светой, фамилия, кажется, Сергеева, но точно я не запомнил. Я был слишком взволнован и, к тому же, я не присутствовал при их разговоре. Слышал только урывками.

– Действительно, все это выглядит очень странным, – негромко заметила Валандра.

Она встала со своего стула и прошла по кабинету.

– Вы понимаете, я уверен, что все это какое-то абсурдное недоразумение, – снова заговорил Василий Васильевич, следя за Вершининой тревожным взглядом. – Вова никак не мог совершить ничего подобного. Он очень порядочный, честный, рассудительный мальчик. Кроме того, он думает о своей карьере. Зачем бы ему понадобилось совершать такое преступление, да еще в собственной квартире?

– Ваши доводы кажутся мне достаточно убедительными, – произнесла Валандра, сосредоточенно сдвинув брови.

– Посудите сами! Сначала они меня стали подозревать в связи с этой девушкой, меня, старика, у которого ни разу в жизни не было ни единой интрижки!

Данное признание заставило Валандру отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Уж очень забавно выглядел Василий Васильевич, когда пытался убедить всех в своей моральной устойчивости и непогрешимости.

– Где сейчас ваш внук? – спросила Вершинина, оборачиваясь к Зубову.

– Его повезли в следственный изолятор. Следователь сказал, что они имеют право задержать Вову, по меньшей мере, на трое суток для установления обстоятельств дела.

– То есть, он сейчас в СИЗО?

– Да, в следственном изоляторе, – сокрушенно подтвердил Василий Васильевич. – Вы знаете, я теряюсь в сомнениях. Нужно ли сообщать Геннадию и его супруге о том, что произошло? Честно говоря, я даже не знаю, как сказать это своей жене. Но без этого не обойтись, ей придется обо всем узнать. Я просто не смогу солгать Клавдии – она сразу заподозрит неладное. Представляю, каким ударом это будет для нее. А Гена? – воскликнул Василий Васильевич. – Ему же придется уволиться, разорвать контракт, он обязательно захочет приехать, как только об этом узнает!

Говоря это, Зубов беспрерывно качал седой головой. Было ясно, что лечебный чай стоит заменить более действенным средством.

– Василий Васильевич, вам нужно как следует отдохнуть. Постарайтесь не изводить себя так. Ведь этим вы не поможете своему внуку, зато навредите самому себе. Сейчас один из наших сотрудников отвезет вас домой.

– Спасибо вам, вы так добры.

После секундного колебания он, заглянув в глаза Валандре, с надеждой в голосе спросил:

– Вы разберетесь во всем этом?

– Мы сделаем все от нас зависящее, – ответила Вершинина так, как отвечала всегда в таких случаях.

Да и как она могла ответить иначе, не зная истинную подоплеку дела?

– Я умоляю вас, пожалуйста, разберитесь. Если вы найдете настоящих виновников, моего внука отпустят, и все это недоразумение будет исчерпано... – Василий Васильевич помялся. – Я... мы... мы заплатим вам столько, сколько вы потребуете. У нас есть кое-какие сбережения, и

мы не постоим за ценой, лишь бы Володю поскорее отпустили и сняли с него все эти абсурдные обвинения.

«Пожалуй, не так уж они и абсурдны», – подумалось Вершининой, но вслух говорить этого она не стала, чтобы еще больше не расстраивать старика, который и без того был совершенно убит горем.

– Хорошо, Василий Васильевич, мы займемся вашим делом. По поводу оплаты вам лучше поговорить с нашим начальником, Мещеряковым. Я считаю, что сейчас вам прежде всего необходимо как следует отдохнуть и прийти в себя. Езжайте домой.

– Клавдии я не смогу солгать, и придется рассказать ей обо всем этом. Но... как вы считаете, нужно ли звонить Геннадию или нет? Посоветуйте, пожалуйста, как мне быть, – Зубов тревожно заглянул Вершининой в глаза.

Она помолчала.

– Мне трудно что-либо вам посоветовать, потому что, признаюсь честно, я еще не могу сказать ничего определенного по вашему делу. Если вы считаете, что такое сообщение навредит вашему сыну, то можете пока воздержаться от него. До тех пор, пока обстоятельства не прояснятся.

Василий Васильевич облегченно вздохнул и поднялся с кресла.

– Я и сам так думал, – заговорил он, начиная пятиться к выходу, – спасибо вам, спасибо огромное.

– Пока еще благодарить меня не за что, Василий Васильевич.

– Нет, нет! Я надеюсь, вернее, я твердо уверен, что вы сможете разобраться во всем этом.

Вершининой очень хотелось ответить, что она разделяет его уверенность, но она не могла этого сказать.

– Сейчас вас отвезут домой. Оставьте, пожалуйста, свои координаты, чтобы мы могли связаться с вами, как только возникнет необходимость.

– Хорошо, хорошо! – он продиктовал свой адрес и номер телефона Алискеру.

– Мы свяжемся с вами, – повторила Валандра, провожая старика. – Алискер, будь добр, позаботься о машине для Василия Васильевича.

Алискер немедленно встал со стула и вышел вслед за Зубовым.

* * *

Оставшись в кабинете одна, Валандра снова села в свое кресло, закурила и задумалась. Василий Васильевич сразу же выпал из круга подозреваемых. Прежде всего, у него было бесспорное алиби, в противном случае следственные органы не отпустили бы его так легко. К тому же, Вершинина обладала порядочным опытом, она превосходно разбиралась в людях. Василий Зубов совершенно не «тянул» на преступника.

«А вот внучок, – размышляла Валандра, – совсем другое дело, мне он не кажется таким уж непогрешимым, как его любящему деду. Парень молодой, оставшийся без опеки родителей. Мало ли на что его могут подтолкнуть какие-нибудь советчики?»

Ее раздумья прервал телефонный звонок.

– Валентина Андреевна, – раздался в трубке голос Ганке, – у вас есть для нас какие-нибудь поручения?

– А почему ты этим так интересуешься? – спросила Вершинина.

– Да видите ли... – он немного помялся, – мы с Антоновым отдежурили, теперь домой бы...

«Тьфу, черт, – воскликнула про себя Валандра, – со всей этой кутерьмой совсем забыла про ребят!»

– Да, конечно, Валентин, вы можете идти домой.

– Спасибо, Валентина Андреевна.

– Только у меня к вам вот такая просьба будет, Валя. Будьте, пожалуйста, где-нибудь в поле нашей досягаемости. Предстоит расследование – нам могут понадобиться все наши люди.

– Ясно, Валентина Андреевна, хорошо, я передам Антонову. Будем дома.

– Прекрасно, Валя, пока!

– До свидания, Валентина Андреевна, – вежливо попрощался Ганке и повесил трубку.

«Нехорошо, Валя, – укорила себя Вершинина, – должна была сама вспомнить о тех, кто отдежурил. Почему мне Мамедов не напомнил? Надо будет сказать ему об этом».

Валандра ценила своих сотрудников. Наверное, именно поэтому она, в отличие от многих других начальников, всегда могла рассчитывать на преданность своих подчиненных.

Вошел Алискер.

– Почему ты не напомнил мне о Ганке и Антонове? – немедленно напустилась на него Вершинина.

– Я подумал, что они могут вам понадобиться... – оправдывался секретарь.

– Думал, не думал... Мог бы и напомнить мне о них, – проворчала она, но тут же заставила себя умолкнуть.

«Ох уж этот Мещеряков! Испортил с утра настроение, теперь буду на ребятах срываться. А это нехорошо», – укорила себя Валандра.

– Как вы думаете, этот Зубов правду сказал? – отвлек ее Алискер от самоедских мыслей.

– Мне показалось, что да. Во всяком случае, он уверен, что его внук не причастен к происшедшему.

– А вы не уверены?

– Давай не будем гадать, – ответила Вершинина, – нужно побеседовать с Володи́ей, тогда можно будет сказать что-то конкретное. Кстати, Алискер, позвони-ка, пожалуйста, следователю, узнай, когда можно будет увидеть Зубова. Я собираюсь побеседовать с ним.

– Вы сами хотите ехать туда?

– Да, я поеду сама.

– Как скажете, – Мамедов выглядел несколько опечаленным.

Как показалось Вершининой, он думал, что беседа с Владимиром Зубовым будет поручена ему.

– Для тебя будет другое поручение, – сказала она ему, – я хочу, чтобы ты подробно ознакомился с результатами, к которым пришло следствие на данный момент.

– Хорошо, – ответил Мамедов, – выезжать немедленно?

– Да, как только договоришься о свидании с Зубовым.

Вершинина сняла трубку и набрала номер дежурки.

– Маркелов, это ты? Подойдите ко мне вместе с Толкушкиным.

– Что у нас с «Великаном»? – обратилась она к Мамедову, повесив трубку.

– Все нормально, осталось только уладить кое-какие формальности. С начальством я уже обо всем договорился. Вы хотите послать туда Толкушкина с Маркеловым?

– Да. Ты ничего не имеешь против?

– Конечно, нет, – ответил Алискер. – Тем более, что Маркелов ездил туда со мной два раза.

Они говорили о супермаркете «Великан», в котором «Кайзер» должен был установить охранную сигнализацию.

Вошли Толик Толкушкин и Вадик Маркелов.

– Ребята, поезжайте в «Великан», нужно подписать договор с ними. И поторопите их там, скажите, что с начала следующего месяца пятипроцентная скидка на подключение предоставляться не будет. Алискер даст вам все бумаги, а я пока поднимусь к Мещерякову, если он уже вернулся из министерства.

– А он никуда и не уезжал, – ответил Мамедов.

– Понятно, – поджала губы Вершинина, – опять сбыл с рук нежелательного визитера таким способом.

Она встала из-за стола и отправилась к шефу.

– Ну что, разобрались с Зубовым? – спросил Мещеряков, который, как ни в чем не бывало, посиживал в своем необъятном кресле.

– То есть, как это разобрались? Все разбирательства у нас еще впереди. Он-то уверен, что его внук – невинная овечка, жертва, как он выражается, абсурдного недоразумения. Но у меня, как ты сам понимаешь, такой уверенности нет и быть не может.

– Но ты согласилась взяться за это расследование?

– А разве не нужно было? – ответила вопросом на вопрос Вершинина. – По-моему, ты за этим меня и вытащил из дому за полтора часа до начала рабочего дня.

– Ну, хватит тебе ворчать, Валюша. Вспылил я, признаюсь. Но и меня можно понять. Такие происшествия...

– Я все понимаю, не будем больше об этом...

«А то опять поругаемся», – продолжила про себя Вершинина.

– Я сказала ему, что по поводу оплаты он должен обратиться к тебе.

– Ну зачем же так, я вполне тебе доверяю, ты могла бы и сама...

– Нет уж, у меня других забот по горло.

«Должен же и ты хоть чем-нибудь заниматься», – снова произнесла про себя Валандра.

Она пожалела, что пришла к шефу, так как раздражение, зародившееся с самого утра и начавшее было утихать, разгорелось с новой силой.

– Ладно, я пойду, мне еще к следователю нужно съездить.

– Валюш, а что на счет «Великана»? – остановил Мещеряков Вершинину у двери.

– Мамедов практически полностью закончил сделку. Я послала Маркелова и Толкушкина заключить договор.

Шеф удовлетворенно качнул головой.

«Прямо как раджа. Мать его за ногу!» – выругалась про себя Вершинина, борясь с желанием громко хлопнуть дверью.

Положительно, ее настроение в этот день было безнадежно испорчено.

* * *

– Маркелов и Толкушкин уехали, – бодро сообщил Мамедов, когда Вершинина вернулась в свой кабинет, – я звонил начальнику следственного изолятора, он сначала наотрез отказался, но как только узнал, что я звоню по вашему поручению, сразу же разрешил свидание. А когда он узнал, что вы собираетесь приехать лично, вообще растаял. Мне кажется, – усмехнулся Алискер, – что он вас будет ждать у входа с цветами и оркестром.

– Когда кажется, креститься надо, – усмехнулась Вершинина в ответ, – так когда мне можно будет подъехать?

– В любое время, начиная с двенадцати часов дня.

– Хорошо, а ты пока поезжай к следователю.

Мамедов подошел к двери, но прежде чем выйти, обернулся и спросил:

– Валентина Андреевна, а в СИЗО вы с кем поедете?

– Ты хочешь, чтобы с тобой?

– Да нет, – смутился Алискер, – я просто так спросил.

– Если освободишься до этого времени, то с тобой.

– Конечно, освобожусь, – оживленно сказал Мамедов и тут же исчез за дверью.

ГЛАВА 3

До полудня Валандра занималась текущими делами. Она немного успокоилась и почти пришла в свое обычное расположение духа.

Вскоре позвонил Алискер:

- Валентина Андреевна, еду к вам, – сообщил он.
- Тебе удалось что-нибудь выяснить? – спросила Вершинина.
- Да, кое-что удалось. Приеду расскажу.
- Отлично, жду, – Валандра повесила трубку.

Ее мысли вновь обратились к происшествию, из-за которого Мещеряков поднял такой шум. Вершинина посмотрела на часы. Они показывали половину первого.

«Скоро надо будет ехать к Зубову», – подумала она.

Она встала и подошла к электрическому чайнику. Налила в него воды и включила в сеть. Потом достала из холодильника банку папшета и принялась делать бутерброды себе и Алискеру.

– А вот и я! – Мамедов распахнул дверь и влетел в кабинет. По его оживленному лицу Валандра догадалась, что Алискер смог нарыть много интересной информации.

– Давай-ка чайку попьем, – произнесла она, разливая по чашкам кипятков.

– С удовольствием, – Мамедов пристроился у стола.

– Ну, выкладывай свои новости, – сказала Вершинина, когда они принялись за чай с бутербродами.

– Ситуация такова, – начал Мамедов, – Владимир Зубов на данный момент является основным подозреваемым, к тому же пока единственным. Его причастность к убийству практически доказана. Эксперты установили, что смерть девушки наступила в результате воздействия какого-то ядовитого вещества. На столике рядом с диваном стояла едва початая бутылка вина, в котором содержится вещество, которое, судя по всему, и стало причиной смерти. Остатки этого вина найдены и в бокале, из которого пила девушка. В том, что она пила из него, нет никаких сомнений, поскольку на его стенках обнаружены следы ее губной помады.

– А что это за вещество?

– Пока еще точно не установлено. Эксперты предполагают, что это какой-либо психотропный препарат. На бутылке с жидкостью найдены отпечатки пальцев Владимира Зубова – это основная улика.

– А на бокале? – поинтересовалась Валандра.

– На бокале? – Мамедов озадаченно воззрился на нее, – а вот про бокал-то я ничего и не узнал, – протянул он, виновато глядя на начальницу.

– Очень плохо, – констатировала она, – ладно, давай, рассказывай дальше.

– В общем, следствие, я думаю, будет не долгим, – продолжал Мамедов, но его голос звучал уже не так уверено – он явно был сбит с толку вопросом Валандры.

– А что по этому поводу говорит сам подозреваемый? – задала она новый вопрос.

– Отпирается. Заявляет, что он ничего не знает. Что находился в момент убийства совсем в другом месте, правда, отказывается говорить, где именно. Уверяет, что не видел этой девушки уже больше месяца и ничего о ней слышал. Но следователь в его виновности не сомневается, он уверен, что скоро ему удастся выбить из Зубова правдивые показания.

– А как Володя объясняет присутствие в его квартире девушки, с которой он прервал всякие отношения?

– Никак. Он говорит, что понятия не имеет о том, как она там очутилась.

– Может, у нее оставались ключи?

– Зубов клянется и божится, что у нее не могло быть ключей – их отношения не были такими близкими.

– Но кто-то же назвал пароль?

– Зубов не может или не хочет ничего объяснять. Настаивает на том, что он ничего не знает, ничего не видел и дома не находился.

– Понятно, что еще?

– В сумочке девушки нашли пейджер, связались с «Тарасовской пейджинговой связью», выяснили, что ее услуги оплачивались медицинской клиникой, вот ее название и адрес, – Алискер протянул Вершининой листок.

– Это все? – спросила она.

– Нет, еще вот что, – Мамедов протянул Вершининой несколько фотографий, – вот эта девушка – выпросил на пару часов, – объяснил он.

Валандра внимательно взгляделась в изображение. С фотографической карточки на нее смотрела молодая, красивая брюнетка с длинными распущенными волосами. Одета очень ярко, даже, по мнению Вершининой, несколько вызывающе. Фотографии, сделанные криминалистами, запечатлели девушку, полулежащей на диване, ее ноги стояли на полу и одна рука неловко свесилась вниз. С первого взгляда на фотографию можно было определить, что снимали труп.

– Эффектная девушка, – заметила она.

– Это точно, – горячо подтвердил Алискер – неизменный любитель и тонкий знаток женской красоты.

– Но по-моему, слишком кричаще одета, – продолжала оценивать ее Валандра.

– Вы находите? – Мамедов подошел к ней поближе и склонился над фотографией. – Пожалуй, вы правы. Но все равно, жалко, что такую красавицу убили.

– Жалко, что вообще человека жизни лишили, и неважно, красавица это или невзрачная пожилая тетенька.

Мамедов с готовностью закивал головой, соглашаясь со словами Валандры. Он, как никто другой, знал о ее пристрастиях к нравоучительным сентенциям. Это была одна из немногих слабостей Вершининой, которой, впрочем, она предавалась нечасто, да и то лишь в кругу своих непосредственных подчиненных.

– Что о ней известно? – спросила она, возвращая фотографии.

– Светлана Сергеева, 1978 года рождения, родилась в Тарасовской области в селе Курдюмское – это в сорока километрах от нашего города. Живет в Тарасове уже несколько лет. Окончила медучилище, работала в частной медицинской клинике.

– Так, так! – Вершинина насторожилась, – а это никак не может быть связано с ее работой? Я имею ввиду доступ к психотропным препаратам, – пояснила она.

– Проверим, – ответил Мамедов.

– Съезди туда, проверь, что это за клиника, чем они там занимаются.

Алискер снова кивнул.

– Эта девушка, как я поняла, состояла раньше в близкой связи с Зубовым, не так ли?

– Вроде бы так. Он хотя и не отрицает, что между ними что-то было, но уверяет, что это были несерьезные отношения.

– Может быть, для него они и были несерьезными, а вот для девушки...

– Вы знаете, Валентина Андреевна, у меня тоже возникла такая мысль, – с жаром заговорил Алискер, – убивать так надоевшую пассивность очень глупо и бессмысленно, а Владимир Зубов, как мне показалось, не похож на тупицу. Так вот, может, она совершила самоубийство в его квартире, чтобы отомстить за то, что он ее бросил. Отвергнутые женщины иногда бывают способны на такие шаги.

– Ну ты у нас, конечно, большой знаток женской психологии, – не удержалась Вершинина от иронического замечания.

– Да тут и знатоком быть не надо! Это сплошь и рядом случается! – горячо воскликнул Мамедов.

– Ладно, гадать не будем, лучше поговорим с самим Владимиром.

– А мне можно будет поехать с вами? – спросил Мамедов.

Валандра внимательно посмотрела на своего референта. Видно было, что он весьма заинтригован и ему не терпится проникнуть в тайну этой загадочной смерти. «Не будь она такой красавицей, Алискер бы вряд ли стал навязываться мне в попутчики», – отметила про себя Вершинина.

– Ну что ж, если тебе этого так хочется, то возьму тебя с собой, – разрешила она.

– А оттуда я сразу в клинику поеду, – сказал он, допивая чай.

– Кстати, нам, наверное, уже пора, – Вершинина посмотрела на часы, – уже начало второго.

* * *

Володя Зубов был очень поход на своего деда – тот же высокий лоб, тонкие губы, правильные черты лица. У Вершининой создалось впечатление, что родословная Зубовых вполне может восходить к какому-нибудь дворянскому роду. «фамилия вот только подкачала, может быть, это родство по материнской линии», – размышляла Валандра, наблюдая, как Володя входит кабинет в сопровождении конвоира и усаживается за стол с противоположной стороны. Мамедов, по своему обыкновению, притулился где-то в сторонке, приготовившись делать записи.

– Вы можете идти, – обратилась Вершинина к конвоиру, – ваш начальник разрешил нам говорить без свидетелей.

– Я буду за дверью стоять, – произнес тот и вышел из кабинета.

– Здравствуйте, Владимир Геннадьевич, – сказала Валандра, когда парень занял свое место.

– Здравствуйте, – ответил он, исподлобья поглядывая на Вершинину.

Как она и ожидала, Зубов-младший выглядел ненамного лучше своего деда. Он был бледен, зрачки широко раскрытых глаз нервно бегали, руки слегка подрагивали.

– Меня зовут Валентина Андреевна Вершинина, а это мой референт – Алискер Мамедов. Мы будем вести ваше дело.

– То есть как? Вы что, адвокаты?

– Нет, мы работаем в охранной фирме «Кайзер» – той самой, которая охраняла вашу квартиру. Поскольку труп был обнаружен на территории, которую мы должны охранять, наша фирма несет определенную ответственность. Кроме того, об этом просил ваш дед, Василий Васильевич.

– А разве охранные фирмы должны заниматься расследованиями?

– Наша фирма, а именно отдел безопасности, специализируется на этом.

– Я не совсем понимаю...

– Мы будем проводить частное расследование параллельно с официальным. Понятно? – терпеливо объясняла Валандра.

– Да, понятно, – ответил Володя.

Но никакого облегчения или тем более радости Вершинина в его голосе не уловила, из чего заключила, что парню есть что скрывать.

– Я надеюсь, вы не имеете ничего против этого? – спросила она, пристально глядя в глаза Зубову.

– Н-нет, конечно, нет! – воскликнул он. – Может быть, хоть вы сможете доказать мою непричастность. В помощь милицию я не верю.

– Вы не убивали Светлану? – сходу спросила Валандра, продолжая буравить Володю пристальным взглядом.

– Нет, конечно нет! – Володя даже слегка подскочил на своем стуле. Я не делал этого! Я не юрист, но много читал детективы и знаю, что в первую очередь следствие должно выяснить мотивы преступления. Так вот! У меня не было никаких, вы слышите, абсолютно никаких мотивов! Но здесь никому до этого нет дела!

– Успокойтесь, пожалуйста, – резковато произнесла Валандра, – постарайтесь не устраивать истерик, – строго добавила она, – это вам не только не поможет, но, наоборот, навредит. Мы пришли сюда для того, чтобы помочь вам. Но вы со своей стороны должны облегчить нам задачу. Расскажите нам всю правду, без утайки.

– Какую правду? – спросил Зубов уже более спокойно. – Я же говорил вам, что ничего не знаю и не имею никакого отношения...

– Это я уже слышала. Давайте начнем с самого начала. Я буду задавать вопросы, а вы – отвечать.

Володя молча уставился на Вершинину, ожидая вопросов. Он выглядел очень измученным. Наверняка, до этого момента парня допрашивали уже не один раз, а Валандра по собственному опыту знала, как ведутся допросы в следственных органах.

– Что вы можете мне рассказать о Светлане Сергеевой? – начала Валандра.

– Я уже сто раз повторил это...

– Молодой человек, – потеряла терпение Вершинина, – меня не интересует, сколько раз и кому вы что-либо повторяли. Если я задала вам вопрос, значит, я посчитала нужным это сделать. Я в последний раз заявляю вам, что мы собираемся вести расследование. И если наши интересы совпадают с вашими, вы будете помогать нам найти истинного виновника. А если нет, то так прямо и скажите. Мы немедленно сообщим нашему заказчику – вашему деду – о том, что вы не нуждаетесь в наших услугах.

Ей надоело нянчиться с парнем. «Пусть не думает, что я буду ему сопلي вытирать. Не так уж он и безгрешен, как пытается показать», – сказала она себе.

– Да-да, – поспешно заговорил Володя, – я буду отвечать.

– Итак, я спросила о Светлане Сергеевой.

– Свету я знаю уже довольно давно, года два, наверное, точно не могу сказать – не помню. Мы познакомились на пляже и стали встречаться. Некоторое время у нас с ней был роман. Но потом я понял, что кроме красоты и раскованности она не может похвастаться больше ничем.

– А что вам в ней не хватало, можно узнать?

– Интеллекта, конечно. С ней совершенно не о чем было говорить. Она была глупой и при этом очень любила давать советы и поучения. Это изрядно утомляло.

– А на первых порах вы не страдали от отсутствия у нее интеллекта?

– Да, сначала я не замечал этого. Мне было все равно, какие у нее мысли, какой характер. У нее было красивое лицо и шикарное тело. Этого мне было вполне достаточно.

– А потом показалось мало?

– Да, представьте себе. Я стал старше, мои запросы изменились. По-моему, это вполне нормально? – он с некоторым вызовом посмотрел на Вершинину.

– А по ее мнению? – поинтересовалась она.

– Она, конечно, так не считала и очень изводила меня требованиями продолжить наши отношения. Мне стоило огромных трудов убедить ее, что мы не созданы друг для друга.

– Вам это удалось?

– Я считал, что да.

– А сейчас?

– А сейчас, после того, что произошло, я не знаю... Два месяца назад я серьезно поговорил с ней. Расставил, так сказать, все точки над i. Она устроила мне бурную сцену со слезами и упреками, но потом успокоилась и согласилась со мной.

Володя говорил спокойно и уверенно, легко подбирая слова, точно он несколько раз отрепетировал свои ответы.

«Впрочем, так оно и есть, – подумала Вершинина, – он отвечает на них уже не в первый раз и успел хорошенько обдумать и запомнить свои права». Вообще, он производил впечатление очень неглупого, с претензиями, парня, что в принципе, соответствовало рассказу о нем Василия Васильевича. Нельзя сказать, что он понравился Вершининой, но версия о причастности казалась ей все менее и менее вероятной – слишком он был умен и осторожен для этого.

«А может быть, идея Алискера не так уж фантастична?» – подумалось ей.

– Значит, после вашего серьезного разговора, Светлана оставила вас в покое? Я правильно поняла?

– Да, во всяком случае, я тогда так подумал. Она перестала звонить, не приходила ко мне. Ни я, ни наши общие знакомые ничего о ней не слышали. То есть, она как бы полностью ушла из моей жизни. Я даже начал забывать о ней. А тут такое...

Он умолк, потерянно глядя на Вершинину.

– Теперь обратимся к событиям прошедшей ночи, – произнесла Валандра.

При этих словах Зубов напрягся побледнел еще сильнее.

– Вы утверждаете, что вас не было в квартире всю ночь и вы не знаете, как туда попала Светлана, правильно?

– Да, это так. Я понятия не имею, как ей это удалось.

– Тогда скажите, где вы провели эту ночь.

Зубов поерзал на стуле.

– Я... я не могу вам этого сказать. Дело в том, что это не моя тайна. Я просто не имею права раскрывать ее.

– Детский сад! – вскипела Валандра. – Вы что, не понимаете, что речь идет об убийстве, совершенном в вашей квартире, и вы являетесь главным подозреваемым. Под угрозой ваша свобода, а вы тут лопочете о каких-то тайнах!

Зубов упрямо молчал. Потом решительно произнес:

– Я не могу сказать вам этого. Понимаете, от этого зависит спокойствие и благополучие человека, женщины...

– Вы намекаете, что не хотите компрометировать даму? – Валандра подняла брови.

Володя кивнул, опустив глаза.

– Весьма похвально и благородно. Алискер, посмотри на этого рыцаря. Ради чести прекрасной дамы он готов пожертвовать своей свободой.

Раздражение Вершининой возрастало.

– Вы можете смеяться надо мной. Но я ничего не могу сказать вам об этом.

– Что ж, если вы так решительно настроены, воля ваша. Я не буду больше настаивать. По-моему, у вас достаточно собственного ума, чтобы понять, чем вы рискуете.

Зубов снова кивнул в знак согласия.

– Я могу сказать только одно – наконец, заговорил он, – я не причастен к этому убийству и я не знаю, как Света оказалась в нашей квартире.

– Хорошо. Давайте поговорим о напитке, найденном у вас, который, по всей видимости, и стал причиной смерти Сергеевой. Надеюсь, об этом вы можете говорить?

– Могу, но я не знаю, что сказать об этом. Когда следователь заявил мне об этой бутылке, для меня это была полнейшая неожиданность. Я не знаю, как она оказалась в моей квартире.

– Ага, – кивнула Вершинина, – то же, что и со Светланой: ничего не видел, ничего не знаю. С вами, молодой человек, очень трудно иметь дело. У меня складывается впечатление, что вы сами не хотите помочь себе.

– Я не виновен, и точка. Я не обязан это доказывать.

– А кто же обязан?

– Вы! И следствие! Закон должен охранять мои права. Я не совершал ничего противоправного, значит, я не должен оправдываться.

Вершинина боролась с желанием подняться и отхлестать по щекам этого самонадеянного щенка.

– Я думала, что ты умнее, – она перешла на «ты», – но ошиблась. Если ты так уверен, что справедливость восторжествует сама по себе, значит, нам с тобой делать нечего.

Володя испугался, увидев, как Вершинина сделала движение, чтобы подняться со стула.

– Нет, я не уверен в этом, – поспешно заговорил он, – но я действительно не знаю ничего об этой треклятой бутылке!

– А почему же тогда на ней обнаружены твои отпечатки пальцев?

– Не знаю! Может быть, такая бутылка и была у нас, может, я и держал ее в руках, но я понятия не имею ни о каком отравленном напитке. В конце концов, разве я похож на идиота? Разве я стал бы убивать Светку в своей собственной квартире! Честно говоря, если бы хотел избавиться от нее, то нашел бы другой способ, гораздо более безопасный!

– Я понимаю это. Но как ты сам для себя объясняешь случившееся?

– Я не знаю! Я совершенно не понимаю, как это могло случиться! Следователь спрашивал, не подставил ли меня таким образом кто-либо из врагов. Но у меня нет врагов. Я всегда стараюсь со всеми ладить. Мне абсолютно ни к чему лишние проблемы. Я даже со Светкой постарался расстаться цивилизованно, без обид и ссор.

– Ты уверен, что тебе это удалось?

– Сначала я был уверен в этом, но теперь не знаю, что и думать.

– Не могла ли она таким способом попытаться насолить тебе? – повторила Валандра версию, высказанную Мамедовым.

– Не знаю, – задумался Zubov, – я не ожидал от нее такого. Конечно, Светка была способна на многое, но... чтобы убить себя только ради того, чтобы отомстить мне?... Не думаю. По-моему, для этого она была слишком большой эгоисткой. Она могла бы насолить мне, я даже опасался этого, но только не таким способом. Это не в ее стиле.

– Ты так хорошо знал ее?

– Мне казалось, что я прекрасно знаю ее. Но теперь я начал сомневаться. Я уже ни в чем не уверен.

– Светлана приехала откуда-то из области? – поинтересовалась Валандра, доставая сигарету. По привычке она потянулась было к столу, но тут же вспомнила, что ее любимой зажигалки нет рядом.

Мамедов быстро поднялся со своего стула и поднес ей зажигалку.

– Какой ты предусмотрительный, – поблагодарила его Вершинина.

Она знала, что Алискер не курит и, следовательно, зажигалка была припасена специально для нее.

– Закуривай, – предложила она Володе.

– Спасибо, я не курю, – ответил он.

– Я спросила о Светлане, – произнесла Валандра.

– Да, она приехала из деревни Курдюмское, это где-то в полчасе езды от Тарасова. Я был там однажды – маленькая зачуханная деревенька, где каждый второй – алкоголик, – презрительно проговорил Zubov.

– Ну положим, у нас в Тарасове этого добра тоже достаточно, – вступилась Вершинина на крестьянство и продолжала:

– А Светланины родители тоже этим грешили?

– Отец да, он самый настоящий пропойца. Мать – обычная сельская бабенка, которая ни о чем, кроме огорода и скотины, по-моему, не думает.

– Света поддерживала с ними близкие отношения?

– Не знаю, я не вдавался в подробности ее семейной жизни, – Володя передернул плечами. Было видно, что даже не хочется вспоминать о своих отношениях с «деревенщиной».

– Где она работала в Тарасове?

– В клинике. Не помню точно названия, то ли «Медицинская практика», то ли «Врачебная практика», как-то так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.